

Глава 23. Двадцать третий луч света

Вслед за снегом пролился плотный, мерный дождь.

Он мягко оседал в горных лесах и низинах, незримыми нитями окутывая всё сущее. Ласковая влага укрыла хребты, словно чья-то гигантская длань погладила очертания гор, стирая горечь и боль тысячелетий.

Искры света, подобные летним светлячкам, медленно поднимались ввысь, уходя в бездонную синеву небес. Лес вздыхал, ветер шел тихим стоном, а звери тягуче завывали, будто прощаясь с кем-то бесконечно дорогим. В этом не было надрывного плача или громких рыданий — лишь щемящая сердце горечь расставания, которую невозможно унять.

Барьер рухнул так же внезапно, как исчез сам горный дух. И теперь подножие горы стало чертой, разделяющей два совершенно разных мира.

Внутри — благодатный дождь, снаружи — брань на улицах. Внутри — белые снега укрывают грязь, снаружи — гигантские крысы разрушают покой.

Всего несколько минут назад внутри был ад, а снаружи — привычная жизнь. Но стоило мгновению пролететь, как всё переменилось: внутри воцарилось подобие рая, а снаружи остались лишь руины.

Жизнь и смерть, удача и беда — они всегда следуют рука об руку, и порой их невозможно разделить на «хорошее» и «плохое».

Цзи Сы смотрел на горы, прислушиваясь к голосам со всех сторон.

— Чтобы из плоти земли, из тысячи лет испытаний, гроз и молний родилось божество, — заговорил он внезапно, — нужны истинная гармония небес, земли и людей. Все живое выбирает его, а оно, в свою очередь, одаряет мир милосердием и любовью.

Он помолчал, и в его голосе зазвучали холодные нотки:

— Когда-то и люди были частью этого круга. Но им оказалось мало быть равными с остальными существами. Они провозгласили себя венцом творения, забыв о долге «старших». Кроме грабежа и разорения, они не принесли этой земле ничего.

Цзи Сы прищурился, и в его взгляде мелькнула тень насмешки:

— Какого-то столетия хватило, чтобы вытравить всю духовную силу горы. Не знаю, сколько веков пройдет, прежде чем здесь снова родится горный дух. В этот «период пустоты», оставшись без защиты своего духа-хранителя, им остается только уповать на милость судьбы.

Сы Ночэн молчал. Он уже взял себя в руки и теперь вдумчиво анализировал каждое слово Цзи Сы. Наконец, отбросив лишние эмоции, он перешел к делу с привычной деловой прямоотой:

— И что же произойдет в этот «период пустоты»?

— Кто знает? — Цзи Сы недобро усмехнулся. — Может, валун, который должен был скатиться на восток, зацепится за корень и обрушится на запад. А может, ливень вызовет сель, который не остановится на полпути, а сотрет с лица земли целый город. А может, случится землетрясение такой силы, что ландшафт изменится до неузнаваемости. Передвинуть горы, осушить моря... Кто знает, вдруг этот ваш хребет Нинъюань превратится в Великий разлом Нинъюань?

Сы Ночэн лишь молча сжал челюсти.

— Цена за исчезновение горного божества слишком высока, и человечеству она не по карману.

Крысы зарылись в эти горы слишком глубоко. Не исключено, что в их норах притаилось нечто куда более смертоносное. Впрочем, Цзи Сы не собирался работать нянкой. Очистить гору от скверны — уже великая милость, остальное же теперь зависит от случая.

— Нам пора, — Цзи Сы сжал скипетр, и невидимый защитный купол исчез.

В то же мгновение Сы Ночэн почувствовал, как мир вокруг потускнел, словно он шагнул из теплой оранжереи в ледяную стужу.

— Это что было?

— Считай это «кругом защиты», — терпеливо пояснил Цзи Сы. — Неважно чем — пальцем, веткой или мелом, — ты чертишь у своих ног окружность. Когда начало смыкается с концом, рождается граница. Поверь в то, что она защитит тебя. Представь, как твоя воля и аура стягиваются внутрь. Это простейшая техника, основанная на концентрации духа. Ей может обучиться даже обычный человек. Пока мы были внутри, никто не мог разглядеть наших лиц.

«Вот оно что...»

Теперь Сы Ночэну стало ясно, почему на снимках Юй Минъяна вместо лица Цзи Сы было лишь пятно. Этот «круг защиты» — вещь крайне полезная, и он всерьез ею заинтересовался.

Как прилежный ученик, Сы Ночэн тут же начал засыпать собеседника вопросами:

— А если нападут грабители? Эта техника выдержит шквальный огонь? Влияет ли идеальность формы круга на его прочность? Сила защиты прямо пропорциональна радиусу или концентрации воли? Если я и профессиональный сумоист начертим одинаковые круги одним и тем же циркулем, чей барьер окажется надежнее — мой или его?

Цзи Сы: «...»

Под тусклым светом уличного фонаря они замерли друг напротив друга. Один излучал мистическую ауру древности, другой — непоколебимую логику современной науки. Наконец, великий жрец выдал:

— Знаешь, лучше тебе даже не пытаться. Уверен, ты никогда этому не научишься.

Сы Ночэн нахмурился. Он был категорически не согласен.

Теплый дождь у подножия гор казался даром небес. Влага омывала раны бойцов, заставляя утихать невыносимую боль.

Тяжелораненные забылись глубоким сном, те, кто был на грани, успели прошептать последние слова. Когда лучи прожекторов с вертолетов коснулись земли, этот кошмар наконец подошел к концу, хотя последствия обещали быть катастрофическими.

Предстояло сформировать новые группы для входа в горы, найти с помощью экспертов те самые крысиные норы, эвакуировать людей от подножия хребта и наложить на Нинъюань длительный карантин. Нужно было договариваться с застройщиками, закрывать туристические маршруты...

Но главное — бросить все элитные силы на поиски таинственного предсказателя. Великого жреца JS.

Дел было невпроворот, нити тянулись в разные стороны, и было неясно, за какую хвататься первой. Но они не спешили — шаг за шагом они распутают этот узел и доберутся до истины.

На следующее утро Шэнь Юньтин, несмотря на ранение руки, настоял на повторном выходе в горы. Цзян Цзыин осталась в госпитале — ее раны требовали обработки.

Только к полудню она закончила все процедуры. Старый врач, обрабатывая глубокий порез на ее щеке, лишь сокрушенно вздыхал:

— Дочка, ну разве можно так... Лицо-то — не место для шрамов! Сделала бы операцию, подлатала кожу, а то ведь женихи разбегутся. Жалко ведь красоту такую...

Цзян Цзыин покачала головой. Ей хотелось улыбнуться, но каждое движение лица отзывалось резкой болью.

— Шрамы — не беда для того, кто носит форму. А тот, кто полюбит меня по-настоящему, полюбит не за лицо, а за то, кто я есть.

— Эх, дочка, — старик поглядел на нее с высоты своего опыта. — Не разбрасывайся шансами. Лицо надо беречь, чтобы потом никто тебе в спину гадости не шипел.

Цзян Цзыин на мгновение задумалась и кивнула:

— Если будет время, я обращусь к хирургам.

Врач удовлетворенно улыбнулся. Мало кто из молодежи сейчас прислушивается к советам, и такая покладистость грела ему душу.

— Вот лекарство. Менять повязку раз в день, не забывай.

— Спасибо.

Цзян Цзыин направилась в сторону своего отряда. Вдоль улиц громоздились туши погибших крыс.

Прошлой ночью их странным образом подхватило ветром и с огромной силой швырнуло на землю. Город превратился в хаос, экономический ущерб был неисчислимым. Поговаривали, что только от падения этих туш погибли десятки людей, а число раненых и вовсе не поддавалось учету.

Родственники погибших вели себя странно: сначала проклинали своих близких за то, что те высунулись на улицу, а затем, уложив тела на доски, тащили их к дверям участков, требуя компенсаций за «стихийное бедствие». В камерах временного содержания сегодня явно не было свободных мест.

Цзян Цзыин ускорила шаг. На углу улицы она разминулась с двумя высокими мужчинами. Инстинктивно она подняла взгляд.

Всего один взгляд — и она замедлила ход.

Один был невероятно красив, от него веяло властью и ледяной решимостью. Другой же казался воплощением изящества и свободы. Черное пальто и белые одежды скользили мимо, длинные волосы жреца черной волной коснулись основания его скипетра.

Мужчина привычным жестом встряхнул головой, и пряди рассыпались по спине гладким шелком. Его спутник заговорил, голос его был низким и властным:

— Господин Великий Пророк, как думаете, что завтра будет с акциями? Пойдут в рост или обвалятся?

— Господин Великий Президент, а как вам энергетическое поле тех облаков? — парировал второй. — Ну же, давайте уязвлять друг друга до конца!

Они прошли мимо, не обращая на нее никакого внимания.

«Какое редкое зрелище...» — подумала она.

Даже профиль этих двоих врезался в память. Любой из них поодиночке приковал бы к себе взгляды, а вместе они создавали эффект почти ослепляющий. Цзян Цзыин всегда считала, что у нее иммунитет к мужской красоте, но, видимо, ей просто раньше не попадались «противники» такого уровня.

Впрочем, полицейская форма была для нее куда важнее любых мужчин.

Цзян Цзыин продолжила путь. Поскольку автобусы не ходили, ей предстояло пройти еще пять кварталов. Дорога была долгой, и, проходя мимо небольшого сквера, она заметила, как трое мальчишек задирают ребенка, с ног до головы перепачканного краской.

На земле валялись измятые листы, мольберт был покрыт грязными отпечатками ладоней. Завидев взрослого в форме, хулиганы свистнули, выкрикнули что-то про «уродца» и со смехом убежали.

Цзян Цзыин нахмурилась и вошла в сквер. Она присела рядом с молчаливым мальчиком и принялась помогать ему собирать бумагу и тюбики. Она хотела улыбнуться, чтобы подбодрить его, но рана на щеке снова не позволила.

— Малыш, ты здесь один? Где твои папа и мама? — спросила она как можно мягче.

Ребенок не поднял головы. Он методично приводил свои вещи в порядок, словно жил в совершенно ином мире. Он бережно разглаживал измятую бумагу, пытаясь стереть следы изломов.

— Ты помнишь номер телефона родителей? — продолжала она. — Хочешь, я помогу тебе с ними связаться?

Он закрепил лист на мольберте, подобрал кисть и принялся очищать ворс от песка. Затем, с поразительной серьезностью, он начал накладывать краску, мазок за мазком вырисовывая человеческие фигуры.

Черные горы, темно-серое небо. В самом центре — призрачно-белая фигура с раскинутыми руками, а над ее головой возвышается прямая... трость? Или шест?

Мальчик зачерпнул свинцово-серую краску и резко мазнул рядом с «белым призраком», формируя очертания «серой тени». За все время он не проронил ни слова, словно Цзян Цзыин вовсе не существовало.

Ей ничего не оставалось, кроме как ждать. Она видела, что ребенок особенный, и не могла просто так его оставить. Она уже хотела позвонить в местный участок, но, вспомнив, какой там сейчас творится хаос, передумала. Ожидание затянулось на добрых полчаса.

К тому моменту, когда мальчик взял щетку и принялся разбрызгивать белую краску по ночному небу — то ли звезды, то ли снежинки, — в сквере появилась его мать. Запыхавшаяся, с пустой корзинкой в руках, она увидела сына и облегченно выдохнула.

Она прижала его к себе, ощупывая, не ранен ли он, и, не дождавшись ответа, лишь печально вздохнула. Затем она повернулась к Цзян Цзыин с благодарностью:

— Спасибо вам огромное. Мой сын... он немного особенный.

— У него аутизм, — прошептала мать, понизив голос. — Но он постоянно куда-то убегает. Всегда берет свой мольберт и идет в самые странные места. Вчера мы поехали к бабушке, я думала, он спит в комнате. А он среди ночи ушел под фонарь в кусты — рисовать. Сегодня вот опять... я места себе не находила.

В ее голосе слышались слезы, которые она с трудом сдерживала при сыне. Она снова и снова благодарила Цзян Цзыин. Увидев, что сын закончил работу, она начала привычно собирать краски в корзину.

Цзян Цзыин уже собиралась уходить, когда мальчик, до этого не замечавший ее, внезапно поднял голову. Он смотрел прямо на нее своими огромными, чистыми глазами, в которых, казалось, отражался весь мир.

— Дун-дун, папа приготовил твои любимые куриные крылышки в коле, пойдем домой?

Ребенок промолчал. Когда мать потянулась, чтобы обнять его, он слегка отстранился и

протянул свой рисунок Цзян Цзыин.

Мать изумленно прикрыла рот рукой, да и сама Цзян Цзыин была ошарашена.

— Это... мне? — она вопросительно глянула на женщину, а затем на ребенка. — Можно забрать?

Мальчик не ответил. Он смотрел на нее, но казалось, что он видит сквозь нее кого-то другого.

— Берите, берите скорее! — обрадовалась мать. — Он впервые сам дарит кому-то подарок! Может, ему становится лучше?

Цзян Цзыин приняла рисунок. Краска еще не просохла, мазки были детскими и неловкими, но в них чувствовался целый мир. Она бережно свернула лист и попрощалась с семьей.

Мальчик лежал на плече у матери, все так же не сводя с нее глаз.

И вдруг его губы шевельнулись. Он не издал ни звука, но Цзян Цзыин, владевшая навыком чтения по губам, замерла. Это не было случайным движением.

Он произнес три слова:

«Найди его».

Кого «его»? О ком он говорил?

Было ли это просто детским лепетом или скрытым указанием? Может, он стал свидетелем чего-то важного и пытался предупредить ее?

Странное предчувствие заставило Цзян Цзыин снова взглянуть на рисунок.

«Найди его...»

<http://bllate.org/book/13709/1586055>